

Чжоу Чжоу заморгал, двумя ручками ухватился за руку Ци Чжэня:

— Дядя Ци... прости...

Ци Чжэнь перехватил обе ручки ребёнка. Руки у малыша маленькие, одной его рукой их можно было полностью обхватить. Ци Чжэнь слегка вздохнул:

— Чжоу Чжоу, виноват дядя, это я не продумал, тебе не нужно извиняться.

Чжоу Чжоу яростно замотал головой:

— Это Чжоу Чжоу хотел погулять, это у Чжоу Чжоу здоровье плохое, не выдержал, и ещё заставил папу и дядю рассердиться, это я... это Чжоу Чжоу плохой...

Ребёнок, говоря, начал всхлипывать, слёзы тоже покатались, выражая беспокойство и чувство вины.

В сердце Ци Чжэня заняла тупая боль. Такого чувства он никогда раньше не испытывал. Нахмуренные бровки Чжоу Чжоу и глаза, из которых катились слёзы, заставляли его сердце сжиматься. Ци Чжэнь прижал малыша к груди, мягко похлопав по спинке:

— Чжоу Чжоу... умница, правда ничего, мы не ссорились, просто волнуемся за здоровье Чжоу Чжоу, не плачь, а?

Прижавшийся к груди Ци Чжэня Чжоу Чжоу глухо спросил:

— Правда?

— Угу, Чжоу Чжоу должен нам верить, хорошо?

— Угу!

Ци Чжэнь отнюдь не был тем, кто умеет утешать. Единственный опыт был из времён общения с Цзи Анем, но тогда он был слишком зол, и когда Цзи Ань с ним ссорился, он всегда ждал, пока всё уляжется. Утешать ещё плачущего ребёнка — для него и вправду впервые.

Чжоу Чжоу, выплакавшись, тоже почувствовал неловкость, потёр глазки и сам сел ровненько:

— Дядя, можешь поговорить с папой? Я хочу домой, не хочу лежать в больнице.

Ци Чжэнь вытер не до конца высохшие следы слёз:

— Я поговорю с папой. Как только Чжоу Чжоу поправится, естественно, можно будет выписаться и вернуться домой.

— Угу!

Слушая разговор внутри, Чжоу Синчжан достал сигарету, зажал её в зубах, не закуривая, с каким-то необъяснимым выражением лица. Увидев подходящую Лю Синьжуй, он выбросил сигарету.

Лю Синьжуй принесла завтрак, и на Ци Чжэня тоже хватило. Несколько человек немного перекусили. Лю Синьжуй осталась с Чжоу Чжоу, а Чжоу Синчжан и Ци Чжэнь вышли наружу, специально отошли подальше.

Чжоу Синчжан не спеша закурил сигарету, лениво прислонившись к перилам балкона, уставившись на зимнюю, но всё ещё сочно-зелёную живую изгородь во внутреннем дворе сзади.

Ци Чжэнь слегка нахмурился:

— Курить надо поменьше...

Чжоу Синчжан перебил Ци Чжэня:

— Тебе не надоело совать нос так далеко? Мы с тобой в лучшем случае партнёры и обычные друзья. Сколько я курю, тебя вообще должно волновать?

Чжоу Синчжан явно злился. Ци Чжэнь не стал лезть на рожон:

— Чжоу Чжоу очень чувствителен к запаху сигарет, да?

Чжоу Синчжан тихо фыркнул, но всё же затушил сигарету. Он слегка запрокинул голову, выдохнул, глядя, как дымок постепенно рассеивается в воздухе, и вдруг весь утих:

— У Чжоу Чжоу здоровье плохое, не выдержит потрясений.

Ци Чжэнь на этот раз тоже почувствовал, насколько плоха физическая форма Чжоу Чжоу. Вчера ребёнок был одет очень тепло, куртку не снимали, возможно, просто немного устал от игр, плюс холодная погода, иммунитет и сопротивляемость не успевают, заболеть тоже не слишком неожиданно:

— Именно потому что здоровье плохое, и нужно больше двигаться. Слепая избалованность не приносит пользы ни его здоровью, ни росту. Как отец, ты должен вместе с ребёнком смотреть в лицо трудностям, а не безоговорочно баловать.

Жалеть — жалеть, но некоторые вещи нельзя решить одной жалостью.

На лице Чжоу Синчжана не было никаких эмоций. Он посмотрел на Ци Чжэня:

— Закончил? Хорошо, закончил, тогда я скажу пару слов. Ци Чжэнь, говоря всё это, ты хочешь сказать, что я несостоявшийся отец? Что такое состоявшийся, что такое несостоявшийся? Я просто хочу, чтобы он жил! Жил, понимаешь?!

Ци Чжэнь на мгновение онемел. Он знал, что здоровье Чжоу Чжоу плохое, но разве до такой степени, чтобы угрожать жизни?

Чжоу Синчжан хотел поговорить с Ци Чжэнем спокойно, но гнев никак не удавалось подавить:

— Я считал тебя другом, ты хорошо относишься к Чжоу Чжоу, и он тебя любит, окей, нет проблем, я разрешаю тебе общаться с Чжоу Чжоу. Но я его отец, некоторые вещи не твоей компетенции. С какой стати ты говоришь мне всё это? Не кажется тебе, что ты слишком далеко зашёл?!

[Примечание автора: С сегодняшнего дня ежедневные обновления 3 000+ символов, время от времени будут дополнительные обновления.]

Новая научная лунная [неясно, возможно, опечатка или сленг] прошу поддержки, прошу голосов за лунные билеты~~~ [прикрывает лицо] [прикрывает лицо]]

Чжоу Синчжан, закончив говорить, безучастно отвернулся в сторону, спиной к нему. Ци Чжэнь смотрел на его спину. Чжоу Синчжан явно был ясным, солнечным человеком, но сейчас он обернул себя жёсткими, острыми шипами. Боюсь, кроме Чжоу Цзинсина и Чжоу Чжоу, другим к нему трудно приблизиться.

Но чем больше так, тем больше ему хотелось обнять Чжоу Синчжана.

Однако сейчас был не самый подходящий момент.

Раз уж речь зашла об этом, Ци Чжэню не было смысла отступать. Чжоу Синчжан был взрослым, сам мог решать, что делать, и нести ответственность. Но Чжоу Чжоу был ещё слишком мал, ему нужны были наставления старших. Он по-прежнему сохранял спокойствие:

— Признаю, я действительно слишком много вмешиваюсь. Но разве то, что я говорю, неверно?

— Неважно, верно или нет! Подходящее — это и есть верное. — Чжоу Синчжан положил руку на перила, перевёл дух и продолжил:

— Ци Чжэнь, у тебя есть способности, внешность хорошая, омега и бет хоть отбавляй, разве не можешь выбирать кого хочешь? Даже если правда нравятся альфы, их тоже полно. Я был женат, тащу за собой семью, зачем ты на меня пялишься?

Ци Чжэнь сделал шаг вперёд, встав рядом с Чжоу Синчжаном. Тот больше не говорил о Чжоу Чжоу — значит, вчерашнее дело временно улажено. Что касается вопросов воспитания Чжоу

Чжоу, можно действовать постепенно. Сейчас нужно разобраться с этим упрямым большим ребёнком перед ним.

Тон Ци Чжэня слегка смягчился:

— В этом мире более девяноста процентов вещей требуют рассудка, но чувства удивительны, они опираются на иррациональность человеческих эмоций. Если бы я мог понять, почему ты мне нравишься, мне, вероятно, потребовалась бы мудрость, равная божьей. Но, знаешь, даже Бог не может.

Чжоу Синчжан действительно не мог понять, что именно Ци Чжэнь к нему испытывает. Он проверял и проверял, но не нашёл причину, по которой Ци Чжэнь на него положил глаз. Не говоря уже о злом умысле, он выяснил, что сотрудничество между Синьчжоу и Дунцзяном началось с того, что Ци Чжэнь первым протянул оливковую ветвь. Именно потому, что он ничего не нашёл, ему было ещё страннее.

Кому вообще охота нравиться ему?

Чжоу Синчжан склонил голову, глядя на человека на расстоянии меньше вытянутой руки:

— Пользуясь случаем с Чжоу Чжоу, я сегодня скажу всё чётко. У меня... есть любимый человек. Хоть он и умер, но я больше никого не люблю.

Зрачки Ци Чжэня резко сузились. Он схватил Чжоу Синчжана за воротник, сократив расстояние между ними до менее десяти сантиметров, с оттенком досады:

— Ты вообще понимаешь, Цзи Вэйгу уже умер, для кого ты так упрямишься?! Если будешь цепляться, разве он вернётся? Не будь дураком, ты же не омега, который после смерти альфы должен всю жизнь хранить верность, можешь быть хоть немного перспективнее? Хочешь, я поставлю тебе памятник целомудрия в знак верности?!

Прохладные феромоны обрушились на лицо. Слова Ци Чжэня вонзились в сердце Чжоу Синчжана. Он выслушал до конца, не отвечая, и сразу замахнулся для удара. Цзи Вэйгу был запретной темой, а Ци Чжэнь не только затронул её, но и сделал это таким образом. Душевную рану безжалостно вскрыли — с какой стати ему ещё быть с Ци Чжэнем вежливым?

Хоть Ци Чжэнь и испытывал чувство вины, но когда кулак Чжоу Синчжана полетел в него, он не стоял на месте, ожидая удара. И без того было душно и тяжело, так что он решил отпустить себя и составить Чжоу Синчжану компанию в драке.

Феромоны двух взрослых альф столкнулись. К счастью, эти несколько этажей были VIP-палатами, на этаже всего два-три номера-люкс, да ещё и зимой, напротив был двор, в это время людей почти не было, иначе бы уже давно поднялся переполох.

Минут через двадцать они закончили драться. Чжоу Синчжан сидел на полу, прислонившись к

перилам, одежда растрёпана, воротник расстёгнут, он даже не поправил, запрокинул голову и посмотрел на Ци Чжэня:

— Неплохо владеешь приёмами, ещё и подраться умеешь. В лицо не бил — молодец, знаешь правила.

Ци Чжэнь вытер проступившую в уголке рта кровь, слегка нахмурился, наклонился, поправил одежду. Верхняя пуговица на его рубашке была оторвана, можно было лишь разгладить слегка помятый воротник. Он посмотрел на Чжоу Синчжана. Побившись и выпустив положенный гнев, сейчас он тоже успокоился:

— Чжоу Чжоу увидит — расстроится.

Чжоу Синчжан фыркнул, положил руку на согнутую ногу, ткнул Ци Чжэня в ногу:

— Драться-то уже подрались, чего ещё изображать, садись. Обещаю, потом сотру запись с камер, никто не увидит, как директор Ци сидит на полу в таком неприглядном виде.

<http://bllate.org/book/15442/1369601>